

ПРИШЕЛЬЦЫ С «НОВОГО МЕРКУРИЯ»

По-современному простые и внятные строки Алии Бояндиновой и туманные лирические откровения Кости Павлова, надрывные катрены мрачной магии Юлии Куркан и авангардистские выплески экзистенциальной боли Вадима Бердникова – такова разнообразная и искренняя поэзия павлодарского молодёжного литературного клуба «Новый Меркурий», представленная в этой подборке стихотворений. Конечно, кроме авторов-поэтов в этом литклубе есть и талантливые прозаики, и просто слушатели. Объединяет их одно: простые ребята из северной провинции стараются уловить тяжеловесные ритмы индустриальной столицы, а уловив, услышать сквозь них звоны вселенских струн и шёпот людских душ. Двери клуба открыты для каждого, кто неравнодушен к литературе и в целом к искусству (литературные вечера порой разбавляются киносеансами, песнями под гитару и философскими беседами). Среди суеты и однообразия будней эти веселые чудаки немного смахивают на пришельцев (например, с Меркурия), и, наверное, в этом секрет их простодушного обаяния и творческой непосредственности.

Алия Бояндинова

* * *

Я на чистом листе нарисую колонки,
Напишу о намеченном, обозначу все сроки,
Опыт прошлых побед, опыт кованых двоек,
Чувств, эмоций, людей, тронувших за живое, –
Все, как есть, без преамбул. Я все лишнее смою,
Я оставлю лишь главное, только родное,
Цели выверю, даты все перепроверю.
Компас – тот, что внутри – приоткроет мне двери.
И на белом листе я оставлю пометки,
Чтоб здоровыми были нервные клетки,
Ведь рубцы, что внутри, распахнули мне двери...
Я все выверю, я все перепроверю.

* * *

И в сон меня не клонит совсем.
В голове нейроны строят теоремы,
Эндорфины поднимаются на мои стены,
От портов моих вдаль отходят корабли.
В тихом омуте нет ни чертей, ни прочей нечисти,
В нем остались от них только сладости,
А в душе танцуют одни лишь радости
Повседневности, и ежеминутно с ними
Зажигаются новые мои огни.

Не клонит больше на приключения,
В чистовике пишу с особым рвением
О силе трения, сопротивлении,
И о намеченном, и об исполненном
По воле звёзд иль по своей.
И воздух в комнате твердит: «Запомни, – мне, –
Узри сей миг и будь в моментуме!»
И, щелкнув атомом, я понимаю вдруг:
Пределов космоса, пределов фатума
Не существует, ведь их нет совсем.
И только собственным упорным рвением,
Творя руками своё мгновение,
Соединяемся в моменте звеньями.
За шагом шаг мы станем смелыми
Благодаря камням, что встретили,
А вопреки злым гениям, сквозь тернии,
Следы оставим, на черном, светлые.
Оставим в сердце константы вечные,
Отпустим то, что нас калечило,
И с чистой мыслью вольемся в сон.

* * *

Если пусто в душе –
Значит, время сменить маршрут.
Помни и повторяй про себя одно:
«Где-то тебя непременно ждут.
Жизнь – как кино».
Если град зашумит с дождем,
Расчищая твой ровный путь,
Ты окутай сердце теплом,
Не обессудь.
Если враг у тебя – врагу пожелай добра,
Звонким смехом далеких лет
Передай привет.
Да будет во мгле для тебя гореть
Звездная мишура.
Перевяжи узлы. Переживи всех!
Сколько не было б лет –
Душою будь молодым,
Будь счастливым там, где ты есть сейчас.
Корабли плывут под осенний свист.
Бог есть в каждом из нас.
И не бойся искать – такие свое найдут!
Все главное – впереди.
Нервный выдох, глубокий вдох.
Встань и иди!

Костя Павлов

* * *

...И будто почва уплывает из-под ног,
И до тебя подать рукой, теперь ты рядом.
На моём сердце изумрудом твой ожог,
Ты – дверь, где комната с прекрасным ярко-алым адом.
И голос густо льется в мою чашу через край,
Писать стихи – дурацкая забава,
Когда есть где-то ад, и где-то – рай,
И копий и лучей, сочащихся отравой,
Есть город.
И сравнимо с буйством чувств
Одно лишь только, сердцу что милее:
Нет, не секреты, что сорвутся с пьяных уст,
Нет, не куплеты, что родит в экстазе гений.
Лишь тленное ничто.
Лишь вечное ничто.
Экрана форточка с больничным бледным бликом,
Как когда знаешь, что давно произошло
С тобою все.
Когда вдруг станешь мигом
Единым или солнечным лучом,
Иль самым сердцем атома – Вселенной,
Когда убит, прощен и воскрешен
И в вечной тишине паришь над бранным...

* * *

В синих сумерках ищи ответ,
В синих сумерках, где ничего нет,
В синих сумерках, где нет ни следа,
В синих сумерках, где поет вода.
В синих сумерках ожили фонари,
В синих сумерках себя раствори,
В синих сумерках услышь ответ:
«Не иди туда, где тебя больше нет».

* * *

Брошенные в ночь
в тишину темно-синего неба,
мы вышли с другой стороны.
Увидели контуры тайн
в глазах и улыбках друг друга,
изнанку привычных вещей.
И встретили утро.

БЕЗ ИМЕНИ

Еще ничего о тебе не известно мне,
Но уже что-то вязкое, что-то болезненное
Гладит мне кожу зелеными пальцами,
Заставляя меня обреченно скитаться,
Глаза опустив, лабиринтами улиц,
В незнакомом порыве томясь и волнуясь.
Так прозрачно и призрачно собираю из пыли
Все то, что пока остается без имени...

Вадим Бердников

О НАСТОЯЩЕМ ТВОРЦЕ

Поэт бездарный, поэт неуклюжий,
Любовник недоделанный –
С поэзией необходимтелен.
Но зато
Посмертно верен ей
И переживает
Не хуже
Всяких
 Любящих
 Родителей!
Ворчит она на него,
Только и звука, что:
Вон там, там еще слово забей!
Он слышит и думает: ох и стервозная сука же...
А сам бы все век терпел.
Швыряется проклятьями вредная муза:
«Нет от тебя выручки даже!»,
Но зато у ее чувствительного мужа
Нет склонности к алчности – не продажен!

НЕ ВАМ

Вы смотрите на меня, и я почему-то старею.
Не давайте мне прибыль, запором страдаю неделю!
Затвор не работал, когда я гулял в дикой чаще,
Приехал домой и сразу же стал монстром страшным.
Не спрашивайте меня, почему обзываю время я «тленным»,
Когда вы его измеряли – часами, я – делом!
Я к телу примерю крест деревянный – мученик...
Не модно, но вечно! Не верьте – так лучше мне!

Юлия Куркан

* * *

Нам бы дойти куда-то,
Там бы найти хоть что-то,
И наплевать на траты,
В задницу все отчеты.
Мы на дороге к счастью
В кровь истоптали ноги,
Душ небольшие части –
Крошками на дороге.

Нам не дойти, наверно,
Солнце слепит глаза.
Тот, кто добрался первым,
Умер, но не сказал,
Что он нашел в финале,
Пряники или плети?
В общем-то, все мы знали.
Знали, но шли. До смерти.

* * *

На рассвете нам снова в бой.
Снег – как корка на чьих-то ранах.
Я хотел бы побыть с тобой,
У судьбы же иное в планах.

Два часа до рассвета выжжены,
Сигаретным огнем прокурены.
Только знаю, что если выживу,
Часть останется здесь, под пулями.

Тишины ледяные мгновения
Вдруг взорвутся чужими криками.
Твердо верю я, твердо верю я
В тот рассвет, что играет бликами,

В ту, что ждет, не считаясь со слухами,
В ту, что верит в меня отчаянно...
Небо вдруг на рассвете рухнуло
И с землею вдруг стало спаянным.

Нам уже не вернуться – каждому,
В те миры, где спокойны ночи.
Жаль, не сказано что-то важное,
Жаль, ты ждать меня будешь очень.

...снег – как корка на наших ранах.
Сизый дым над телами павших.
У судьбы... у неё все в планах.
Только нас нет, как нет и «наших»...

* * *

Нитью алой земля пронизана,
Небо синее с белой проседью.
Ты меня не согреешь письмами,
Я навеки останусь в осени.

Завтра утром рассвет погибнет,
Завтра утром меня не станет.
На земле мое сердце стынет,
Красной кровью живет лишь память.

Знаешь, небо свинцово-серое,
Знаешь, в сердце застрял свинец.
Я увижу, как солнце первое
На закате найдет конец.

Тучи плачут холодными каплями,
Остужают горящую грудь.
И поминки по мне уж справлены –
Ухожу в грязно-белую муть.

А в глазах моих небо синее
Вытесняется белой проседью.
Я уже не вернусь. Ты прости меня.
Стану солнцем холодной осени...

* * *

Ветер с моря оставит после себя
лишь привкус горечи и соль на ресницах.
Далекie скорбные крики чаек
напомнят о ком-то, оставшемся в прошлом.
Я строю большие песочные замки,
тону в бесплотных, но хищных птицах.
Я отрекаюсь от настоящего,
будущее предстает миражом – красивым, но ложным.

Я рисую на песке чей-то профиль,
слизываю горькую соль с пересохших губ.
Разжигаю костры из засохших водорослей
и не знаю, что делать с небом над моей головой.

Вечерами здесь падают звезды.
На поверхность желейного моря
всплывает гигантский спрут.
Иногда мы ведем с ним пустые беседы –
он любит Канта и Кафку,
а я – пытаюсь остаться собой.

Я живу на карамельном кусочке суши,
что тает день ото дня,
прибой от прибоя, быстрее каждый раз.
Ветер, что ежедневно приходит с моря,
оставляет лишь соль на ресницах
и горечь на непослушных губах.
Я – девочка, похищенная коварным морем,
разжигающая костры,
рисующая на песке,
ведущая свой рассказ,
точно знающая, чем все закончится...
и уходящая за горизонт
на равнодушно-стеклянных морских волнах...

* * *

В моем небе плывут акулы,
В моем небе летают скаты,
Океана косые скулы
Изливаются в солнца кратер.

Серый цвет так красив и мрачен,
Вот киты, что скользят к закату.
С моим небом мы вместе плачем
Под суровой грозы токкаты.

Мое небо с меня не спросит –
Все затопит, утопит в свете.
А когда вдруг начнется осень,
Отразится в седой комете.

И луны равнодушным глазом
Молча смотрит большое небо,
Что стеклянным разбитым пазлом
За кометой стремится следом.

Я дельфин в моем небе сером,
Я плыву вслед за солнцем. Выше! –
Где киты в хороводе смелом
Держат неба на спинах крышу...

* * *

Заставляет собой любоваться
Траур длинных твоих волос.
Губ легонько твоих касаться
И возвращаться,
Вновь возвращаться к шелку кос.
Бархат глаз. Он с такой поволокою!
Свежесть кожи и нежность щек.
И глубокою,
Столь глубокою нежностью захлебываюсь еще.
Но таких же, как ты, не бывает!
Слишком ты эфемерна, тонка.
Только манит,
О, Боже, как манит в кольцах твоя рука!
Воплощенье невинного траура
С черной розою на груди.
«Ах, Лаура! —
Кричу я: — Лаура! Подожди же меня, подожди!»
Ты уйдешь серебристым облаком,
Не оглянешься даже вслед.
Черным волосом,
Черным волосом перевязан был твой букет...

Илья Аргентум

КОМЕТО

Горят огнём далекие планеты,
Будто глаза соперницы Алкмены.
Зачем же поднималась ты, Комето,
На зубчатые крепостные стены?

Буяна — Птерелая дочь-дикарка,
Наследница тафиевского трона,
Вдаль глядя, не ждала судьбы подарок —
Плениться красотой Амфитриона.

Комето, ты забыла о покое!
Ах, как вождя фиванцев сладки губы!
И дочь вождя, задумавши худое,
От вожделенья стискивает зубы.

И ночь черна, как помыслы и похоть,
Лишь золотится волос Птерелая.
Да, предавать отца, конечно, плохо,
Но можно ль не предать, так изнывая?

Что толку спорить с сердцем и судьбою?
Безумная, влюблённая Комето!
К нему ты выйдешь, гордая собою,
И цену назовёшь его победы.

И вырван дар седого Посейдона,
И нет ни огорченья, ни обиды,
И заняты до слов Амфитриона
Врата бездонного, как ночь, Аида.

ПСИХЕЯ

Горят румянцем скулы, огневая;
Прекрасен твой возлюбленный насильник.
Наивная, наивная Психея,
Зачем взяла ты масляный светильник?

Ты веришь сёстрам, карлицам-злодейкам,
И слушаешь наветы их напрасно.
Божественными склоками задета,
Психея, до чего же ты прекрасна!

До зависти жестокой Афродиты,
До скрежета зубовного от злости!
Но будут сёстры о скалу разбиты,
Волна подхватит сестринские кости.

Минует время, заживут ожоги,
И под лопатками пробьются крылья,
Но ты в начале пасмурной дороги,
С земли тебя ещё не отпустили.

Ещё глядишь ты, замерев в восторге,
Свеча, едва дыша, чуть не погасла,
И медлит свой полёт на полдороге
Упавшая случайно капля масла...

АЛКМЕНА

Не ранит лба микенская корона...
Как горько от нечаянной измены!
Прости жестокий гнев Амфитриона,
Алкмена, горемычная Алкмена.

Прохладен чуть изгиб камней алтарных,
Но уж опущен к веткам пламень жаркий.

О дочь царя, что назван был янтарным,
О, где же твои верные товарки?

Уже ль никто не скажет в страхе слова
Перед объатым ненавистью мужем,
Что вечность ждать его была готова,
Что он один тебе на свете нужен,

Что не твоя вина и не заслуга
Твоя – богов высокое вниманье?
Да, ты была вчера с другим супругом,
Тебе открылось поздно это знание.

Змеится едкий дым Лернейской гидрой,
И воздух уж горяч, как вздохи страсти,
И Гера смотрит вниз с улыбкой хитрой,
Но помешать едва ли в чьей-то власти.

Так суждено: ты выживешь сегодня.
Вот грянул гром, грозою рядом веет...
Родится удивительная двойня.
Зовите же Тиресия скорее.

Подборку подготовил И. Аргентум

